

1314
С. Н. ЮЖАКОВЪ.

СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Изданіе пересмотрѣнное и дополненное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1896.

KPI 1122

Handwritten scribble

Soc 533.10 (2)

2397

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Еслибы мнѣ пришлось составлять программу курса соціологіи, то съ той точки зрѣнія, съ которой я разсматриваю и понимаю эту науку, я расположилъ бы ея матеріаль между слѣдующими основными рубриками:

Обзоръ соціологической проблемы, въ которомъ должны быть установлены основныя дедукціи и въ общихъ чертахъ указано ихъ раскрытіе въ общественномъ процессѣ. Первые четыре главы перваго тома моихъ „Соціологическихъ этюдовъ“ (изд. 1891 г.) должны были отвѣчать этой задачѣ. Кореннымъ образомъ переработанныя и развитыя, онѣ составляютъ предметъ перваго этюда настоящей книги (§§ 1—14).

Органическое начало, какъ факторъ общественнаго процесса. Вышеупомянутый первый томъ „Соціологическихъ этюдовъ“ преимущественно посвященъ этой группѣ общественныхъ явленій.

Нравственное начало и общественное согласованіе.

Часть этой проблемы составляет предмет второго этюда настоящей книги (§§ 15—40); здѣсь обследованъ вопросъ дедуктивно. Заключительный параграфъ (§ 40) намѣчаетъ пути и указываетъ способы индуктивной провѣрки.

Экономическое начало и общественная борьба, предметъ третьяго этюда этой книги (§§ 41—64), причемъ дедуктивное обоснованіе дано въ главахъ VII и VIII (§§ 41—48), а главы IX, X, XI и XII представляютъ попытку индуктивной провѣрки (§§ 49—64). Вопросъ намѣченъ, но не исчерпанъ.

Политическое начало и неустойчивое равновѣсіе согласованія (нравственное начало) *и борьбы* (начала, экономическое и органическое).

Умственное начало и прогрессъ, понимая подъ прогрессомъ не ту „естественную“ эволюцію, которая является комбинированнымъ результатомъ преимущественно органическаго, экономическаго и политическаго начала, но цѣлесообразно направленную эволюцію человѣчества къ самосохраненію и совершенствованію.

Классификація обществій.

Историческая среда, т.-е. отношеніе общества къ окрестнымъ обществамъ. Этотъ вопросъ частью (съ экономической стороны) затронутъ въ главахъ IX, XI и XII настоящаго тома и (съ болѣе общей стороны)

въ главѣ IX перваго тома этихъ „Соціологическихъ этюдовъ“.

Физическая среда, вѣратцѣ въ главѣ XV перваго тома этихъ этюдовъ.

Это маленькое обозрѣніе соціологической программы объяснить читателямъ, до какой степени я далекъ отъ мысли предлагать эту книгу, какъ нѣчто законченное. Съ другой стороны, это объясняетъ и побудительную причину изданія этого тома. Собранныя и объединенныя въ немъ работы представляютъ соціологическую обработку нѣкоторыхъ самостоятельныхъ отдѣловъ общественныхъ явленій. Нѣкоторое вниманіе публики къ первому тому „Соціологическихъ этюдовъ“ послужило поощреніемъ предложить и этотъ второй, совершенно независимый по содержанію, но тѣсно связанный по идеѣ и методу и съ этой точки зрѣнія являющійся естественнымъ продолженіемъ перваго.

Желая лучше выяснить ту общую философскую и общественно-философскую точку зрѣнія, съ которой написана эта книга, я предпослалъ ей „Вмѣсто введенія“ сокращенный сводъ двухъ моихъ литературныхъ статей, соединивъ ихъ подъ общимъ заглавіемъ „Объ основныхъ теченіяхъ мысли въ русской литературѣ“.

Какъ и къ первому тому „Соціологическихъ этюдовъ“, приложенъ и къ настоящему алфавитный указатель (index) содержанія и собственныхъ именъ. Въ концѣ указаны „замѣченныя погрѣшности“, которыя полезно предварительно исправить, особенно на стр. 184. Въ

заключеніе приношу мою благодарность М. А. Антоновичу и Н. Ф. Даніельсону, которые своими указаніями облегчили мнѣ пересмотръ и дополненіе нѣкоторыхъ главъ этой книги.

С. Южакъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	III
Вмѣсто Введенія. Обь основныхъ теченіяхъ мысли въ русской литературѣ.	
I. Два памятника (изъ недавняго прошлаго общественно-философской мысли).	1
II. Современныя теченія	21

ЭТЮДЪ ПЕРВЫЙ.

Обзоръ соціологической проблемы.

Глава I. Опредѣленіе проблемы (§§ 1—3)	39
Глава II. Сочетаніе и распаденіе (§§ 4—6)	50
Глава III. Основной законъ жизни (§§ 7—10)	59
Глава IV. Активность и культура (§§ 11—14)	76

ЭТЮДЪ ВТОРОЙ.

Нравственное начало въ общественной жизни.

Глава V. Активность и ея значеніе въ жизни (§§ 15—28)	102
Глава VI. Нравственность, какъ форма активности (§§ 29—40)	170

ЭТЮДЪ ТРЕТІЙ.

Экономическое начало и общественная борьба.

Глава VII. Борьба въ жизни и ея формы (§§ 41—44)	234
Глава VIII. Культура, какъ орудіе борьбы (§§ 45—48)	250

Глава IX. Экономическія орудія въ догосударственный періодъ (§§ 49—51)	268
Глава X. Экономическія орудія въ индивидуальной борьбѣ (§§ 51—54).	280
Глава XI. Экономическія орудія въ международной борь- бѣ. Историческое обозрѣніе (§§ 55—58).	293
Глава XII. Международный капитализмъ (§§ 59—64) . .	311

Алфавитный Указатель (index):

1. Содержаніе	341
2. Собственныхъ именъ.	343
Замѣчныя погрѣшности.	344

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Объ основныхъ теченіяхъ мысли въ русской литературѣ.

І. Два памятника:

(Изъ недавняго прошлаго общественно-философской мысли).

І.

1 Октября 1894 г. въ Петербургѣ, на Волковомъ кладбищѣ, у такъ называемыхъ «Литераторскихъ мостковъ» состоялась церемонія открытія памятника надъ могилою Григорія Захаровича *Елисеева*. Памятникъ воздвигнуть частью на пожертвованія почитателей покойнаго писателя, частью попеченіемъ Комитета литературнаго фонда, въ пользу котораго Елисеевъ оставилъ по завѣщанію около пятидесяти тысячъ рублей. Надъ могилою, обнесенною чугунною рѣшеткой, возвышается высокій гранитный пьедесталъ и на немъ бронзовый бюстъ Елисеева работы К. М. Сибирякова. Импозантная фигура этого патріарха русской журналистики очень удачно схвачена художникомъ и, со строгимъ спокойствіемъ безпристрастнаго судьи и редактора, смотритъ на многочисленныя окрестъ лежащія могилы работниковъ русскаго слова, своихъ наставниковъ, товарищей, сотрудниковъ и учениковъ, успокоившихся на вѣки въ этомъ уголкѣ отдаленнаго петербургскаго кладбища.

Конецъ пятидесятихъ и начало шестидесятихъ годовъ настоящаго столѣтія были серьезнымъ переломомъ не только въ исторіи русской общественности (освобожденіе крестьянъ и вообще паденіе крѣпостного строя жизни), но и въ исторіи русской журналистики. Передъ нею открылись новыя перспективы, новыя требованія и новыя задачи. Прежде журналистика вѣдала исключительно чисто-литературные и чисто-научные вопросы и не касалась не только политики, но и вопросовъ общественныхъ, экономическихъ, философскихъ. Чисто фактическія извѣстія политическія, внутреннія и внѣшнія, и тѣ не появлялись въ частныхъ изданіяхъ и были привилегіей официальныхъ газетъ и, въ видѣ единственнаго исключенія, газеты Булгарина и Греча. Благодаря этому, выработался особенный типъ журналистики, гдѣ публицистика совершенно отсутствовала, но гдѣ это пустое мѣсто старались отчасти замѣстить критика, наука, беллетристика. Научныя статьи, какъ и беллетристическія произведенія Герцена, Хомякова и Аксакова были, конечно, замаскированной публицистикою. То же самое въ значительной степени должно сказать о критическихъ статьяхъ Бѣлинскаго, Валерьяна Майкова, Юрія Самарина. То же придется повторить и относительно нѣкоторыхъ беллетристическихъ произведеній Григоровича, Тургенева, Дружинина, Достоевскаго, Некрасова. Около конца 40-хъ годовъ, однако, и эта полупублицистика прекратилась. До второй половины пятидесятихъ годовъ журналистика замкнулась въ вопросахъ эстетическихъ и археологическихъ. Такимъ образомъ, закрылось и то окно, о которомъ говорятъ, что въ него входитъ природа, когда заперты двери. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, однако, не только было отворено это окно, но пріотворены и двери, никогда дотолѣ не отворявшіяся. «Природа», конечно, ворвалась немедленно въ нашу журнальную хату, но—по привычкѣ—сначала предпочитала прыгать черезъ окно, нежели пользоваться дверями. Политическіе отдѣлы были разрѣшены и газетамъ и журналамъ; публицистика стала признаннымъ составнымъ элементомъ журналистики. Тѣмъ не менѣе первое время она все еще

предпочитала являться въ видѣ науки, критики, художественнаго произведенія. Надо было, однако, войти и въ двери. Изъ первыхъ вошли въ эти двери Елисеевъ и Шелгуновъ. Даже Катковъ и Аксаковъ ими воспользовались позднѣе. Елисеевъ долженъ почитаться поэтому однимъ изъ основателей русской публицистики, однимъ изъ тѣхъ литературныхъ дѣятелей, которые проложили новые пути для проявленія русской мысли, усвоили новыя формы русской литературѣ. Онъ и утвердилъ въ русской журналистикѣ эти пути и формы. Основать и утвердить публицистику въ литературѣ; приспособить ее къ условіямъ русской дѣйствительности; привлечь къ ней вниманіе не пріученнаго читателя, все это—и огромная задача, и великая заслуга. Не одному Елисееву она довлѣетъ, но его доля въ ней изъ самыхъ значительныхъ и почетныхъ. Елисеевъ былъ не молодъ уже, ему было подѣ сорокъ, когда онъ замѣтилъ, что съ публицистическихъ дверей замки и запоры сняты и что слѣдуетъ испробовать вмѣсто окна войти въ двери. Онъ это и сдѣлалъ, отворилъ дверь и хозяиномъ вошелъ въ еще не занятое помѣщеніе русской публицистики. Быть можетъ, эта зрѣлость таланта и мысли и были нужны для выполненія серьезной задачи, которая одна должна вписать имя Елисеева въ исторію русскаго просвѣщенія, еслибы покойный журналистъ и не имѣлъ другихъ правъ, не совершилъ бы своимъ трудомъ никакого иного дѣла. Елисеевъ, однако, заслужилъ и за многое другое...

Григорій Захаровичъ Елисеевъ былъ сыномъ сельскаго священника Томской губерніи, гдѣ родился 25 января 1821 г. и вскорѣ, еще въ раннемъ дѣтствѣ, лишился отца и матери. Трудно въ этихъ условіяхъ круглому сиротѣ выбиться изъ ничтожества, но крупныя природныя дарованія проложили ему дорогу вопреки всѣхъ препятствій и затрудненій. Блестяще окончивъ Тобольскую семинарію, онъ былъ отправленъ епархіальнымъ начальствомъ въ Москву, въ духовную академію, изъ которой былъ прямо назначенъ преподавателемъ въ Казанскую духовную академію на кафедрѣ русской церковной исторіи. Въ разное время на

него возлагалось сверхъ того преподаваніе языковъ еврейскаго и нѣмецкаго, русской гражданской исторіи, каноническаго права. Профессоромъ въ Казанской духовной академіи Елисеевъ пробылъ до 1854 года, все время пользуясь завидною популярностію и среди слушателей, и среди лучшихъ товарищей-преподавателей, какъ о томъ единогласно свидѣлствуютъ и воспоминанія Шапова и Шелгунова, и «Исторія Казанской духовной академіи» профессора Знаменскаго. Популярность Елисеевъ заслужилъ не только достоинствомъ преподаванія, но и тою смѣлостію, съ которою онъ освѣщалъ съ кафедръ темныя стороны нашего быта. Такъ вырабатывалось и подготавливалось въ Елисеевѣ его публицистическое призваніе. Покуда же онъ занимался наукой. За время своего профессорства Елисеевъ издалъ нѣсколько церковно-историческихъ изслѣдованій и приступилъ къ обширному труду «Исторія распространенія христіанства въ Казанскомъ краѣ». Въ 1853 г. былъ изготвленъ первый томъ, но епархіальная цензура не нашла, повидимому, возможнымъ пропустить это сочиненіе Елисеева и оно доселѣ хранится въ рукописи, въ архивѣ Казанской духовной академіи. Проф. Знаменскій, вышеупомянутый авторъ «Исторіи Казанской духовной академіи», свидѣлствуетъ, что этимъ неизданнымъ сочиненіемъ Елисеева не разъ пользовались послѣдующіе историки, но содержаніе не исчерпано этими заимствованіями. Вскорѣ послѣ этого эпизода Елисеевъ оставилъ профессорство въ академіи и три года служилъ въ Западной Сибири, сначала окружнымъ начальникомъ, потомъ совѣтникомъ губернскаго правленія. Въ 1858 году Елисеевъ вышелъ въ отставку и прибылъ въ Петербургъ.

Въ томъ же 1858 году, въ которомъ онъ впервые увидѣлъ нашу сѣверную столицу, внося съ собою струю провинціальныхъ надеждъ и провинціальнаго идеализма и усвоивъ столичное возбужденіе, столичную критику и столичную жажду дѣятельнаго добра, эти характерныя черты провинціи и столицы того времени, Елисеевъ началъ свою литературно-публицистическую дѣятельность мелкими работами въ

«Искрѣ» и серьезною статью «О Сибири», появившеюся въ «Современникѣ». Статья обратила на себя вниманіе и основательностью содержанія, и талантомъ изложенія. Вслѣдъ затѣмъ появились и другія статьи: разборъ VII тома русской исторіи Соловьева, «Уголовные преступники», «О движеніи народонаселенія въ Россіи», «О препровожденіи ссыльныхъ по Сибири» и пр. Это были большею частью чисто-публицистическія статьи, трактовавшія настоятельныя нужды практическаго дня, гдѣ теоретическое обоснованіе шло рука объ руку съ приложеніемъ доктринъ и отвлеченныхъ идеаловъ къ задачамъ повседневной общественной и государственной жизни... Въ настоящее время, когда публика оскомину набила этимъ родомъ и когда чувствуется потребность быть внимательнѣе къ теоретическому обоснованію даже безъ непосредственной связи съ практическою жизнью, трудно даже себѣ представить, что вниманіе къ практическимъ вопросамъ, ихъ обсужденіе, ихъ освѣщеніе теоретическимъ обоснованіемъ еще такъ недавно было вполне для насъ ново; такъ ново и необычайно, что человѣкъ, удачно разрѣшившій въ своихъ работахъ эту мудреную задачу, сразу обратилъ на себя общее вниманіе и заслужилъ неоспоримую популярность и авторитетъ. Однако, это быстрое установленіе авторитета и популярности было вполне заслуженное, потому что сразу удачно разрѣшить новую задачу, найти ей мѣсто и почетъ въ средѣ, ея не знающей, усвоить необходимую форму и угадать предѣлы компетенціи въ условіяхъ мѣста и времени,—все это въ самомъ дѣлѣ требуетъ много и таланта, и знанія, и преданности дѣлу..

Съ начала 1861 года Елисеевъ велъ отдѣлъ «Внутреннее обозрѣніе», который, можно сказать, онъ создалъ и утвердилъ въ русской журналистикѣ. Онъ велъ его въ теченіе пяти лѣтъ (1861—1865 гг.), касаясь самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, волновавшихъ русское общество того времени. Тогда въ его работахъ еще не выдвигались тѣ предметы спеціальнаго вниманія, которыя, не дѣлая Елисеева одностороннимъ, въ послѣдствіи окрасили его дѣятельность не только въ цвѣтъ литературнаго направленія, къ

которому онъ принадлежалъ, но и въ особый оттѣнокъ, свойственный его литературной индивидуальности. Объ этомъ, однако, ниже; теперь закончимъ нашъ отчетъ о первомъ періодѣ журнальной дѣятельности Елисеева. Онъ сталъ скоро членомъ редакціи и на этомъ новомъ поприщѣ литературнаго труда заслужилъ авторитетъ въ средѣ писателей, что представляется задачей, въ редакторскомъ дѣлѣ далеко не легкой. Въ это же время онъ написалъ рядъ историко-литературныхъ статей, подъ заглавіемъ: «Очерки исторіи русской литературы по современнымъ наблюденіямъ», гдѣ анализируется русская литература XVIII вѣка, не съ точки зрѣнія ея литературнаго достоинства или историческаго мѣста, а со стороны ея публицистическаго значенія. Бываютъ историческіе романы, историческія сатиры (напр. «Исторія одного города» Салтыкова); Елисеевъ далъ образецъ исторической публицистики. Если, взятая отдѣльно, эта точка зрѣнія можетъ оказаться односторонней, то и безъ нея оцѣнка историческаго періода или историческаго явленія будетъ неполною... Въ этотъ же періодъ, онъ состоялъ короткое время редакторомъ еженедѣльнаго изданія «Вѣкъ» (1862 г.) и газеты «Очерки» (1863 г.). Онъ сотрудничалъ также въ «Искрѣ», выходившей подъ редакціей поэта В. С. Курочкина. Здѣсь Елисеевъ велъ нѣсколько лѣтъ отдѣлъ подъ заглавіемъ: «Хроника прогресса» ¹⁾. Въ 1866 г. завершился первый періодъ журнальной и литературной дѣятельности Елисеева, періодъ, въ который онъ создалъ и утвердилъ публицистическую форму, но, какъ журналистъ, являлся продолжителемъ прежнихъ дѣятелей.

Въ 1868 году Елисеевъ—становится однимъ изъ трехъ редакторовъ-руководителей перешедшихъ къ Некрасову «Отечественныхъ Записокъ». Третьимъ былъ М. Е. Салтыковъ. Роль Некрасова въ журналѣ не заключалась въ

¹⁾ Въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза-Ефрона, гдѣ мною помѣщенъ краткій біографическій очеркъ Елисеева (полтомъ XXII), вкрались двѣ серьезныхъ опечатки: первая статья Елисеева „О Сибири“ названа „О соборѣ“, а „Хроника прогресса“ вмѣсто „Искры“ приурочена къ „Голосу“.

творчествѣ тѣхъ идей, которыя окрашивали журналъ въ опредѣленный цвѣтъ. Сначала ученикъ Бѣлинскаго, потомъ послѣдователь Добролюбова и его друзей, послѣ Некрасовѣ творчество новыхъ теченій въ журналѣ предоставлялъ М. А. Антоновичу, Ю. Г. Жуковскому, Елисееву. Самъ онъ строго держался традицій недавно сошедшихъ со сцены дѣятелей, но и не мѣшалъ пробиваться новымъ струямъ, составлявшимъ естественное преемственное развитіе отъ идей сороковыхъ годовъ. Эта чуткость нашего поэта къ назрѣвающимъ требованіямъ времени, къ новымъ теченіямъ мысли, составляетъ одну изъ лучшихъ его заслугъ, какъ журналиста. Сочетаніе вѣрности традиціямъ съ воспримчивостью къ новому и молодому представляетъ прекраснѣйшую сторону Некрасова-журналиста. Это же качество было отличительною чертою и Салтыкова, какъ журналиста, который, однако, совершенно такъ же, какъ Некрасовъ, будучи воспримчивъ къ новому и молодому, самъ не являлся творцомъ этихъ новыхъ и молодыхъ теченій. Въ послѣдніе годы «Современника» это было дѣломъ преимущественно М. А. Антоновича и Елисеева; въ новыхъ «Отечественныхъ Запискахъ» — сначала по необходимости одного Елисеева, затѣмъ, нѣсколько позже, преимущественно Н. К. Михайловскаго.

Наша задача теперь отмѣтить, въ чемъ выразилось вліяніе Елисеева, какъ отлилось оно на новыхъ чертахъ въ характерѣ журнала.

Будучи редакторомъ публицистическаго отдѣла, Елисеевъ вліялъ на подборъ статей, на темы, задачи, вопросы, преимущественно разработывавшіеся публицистикою журнала. Рядъ работъ, появившихся въ журналѣ за эти годы, такихъ, напр., какъ Лалова, Чаславскаго, гг. Флеровскаго, Щербины, В. В. и др. указываетъ то особое вниманіе, которое Елисеевъ сталъ оказывать вопросамъ русской деревни. Раньше, теоретическая тяжба между направленіями въ значительной степени заслоняла вопросы текущей русской жизни, а среди этихъ вопросовъ, поскольку они занимали журналистику, экономическіе вопросы русской деревни далеко не